Господин Карамзин есть один из числа тех нежных путешествователей, которые называются у нас тонкочувственными или *сентиментальными*. Они объезжают обширные страны единственно для излияния своих чувствований, которые с таковою же разнообразностию могли бы они изливать, сидя в четырех углах своей комнаты. Они имеют способность с необыкновенным восторгом смотреть на самые обыкновенные случаи и, упражняя ум свой пустыми мечтаниями, в одной только их голове расположаться могущими, наполняют воображение свое всеми попадающими им мелочами, между тем как важнейшими происшествиями всячески пренебрегают и закрывают глаза свои от великих зрелищ, всех прочих людей внимание на себя привлекающих. Первое правило таковых тонкочувственных путешественников есть, чтобы все относить к самому себе и особу свою почитать толь важною, что к ней одной мысли всех устремляются. В обыкновенных человеческих глазах внешние предметы уменьшаются по мере расстояния, но у сего рода людей круг ясного зрения так тесен, что они только то видят, что у них под самым носом, и ето уже кажется им в преогромном и великолепном виде. Таковые люди, проезжая по тем местам, где война и рушение царств, описывают, какие они имели комнаты и стол в трактирах, в каком леску или долине предавались своей чувствительности и с каким *симпатирующим*[2] умом наслаждались роскошью приятных слез.

Когда же они кроме вздохов и улыбок своих начнут о чем думать, то, смотря по силе сих первых впечатлений своих, как о людях, так и о вещах судят самым смешным и чудным образом. По правилам сомневаются в заключениях рассудка и спрашивают у необманчивых чувств своих: можно ли на доводы оного полагаться? Боготворят Жан-Жака и ходят с душевным умилением по тем дорожкам, по которым он хаживал. Но с Лафатером они еще больше *гармонируют*. Они желали бы целые дни при нем плакать и неразлучно пребывать с мощами сего *интереснейшего* из *энтузиастов*. Сии путешественники редко довольствуются тем, чтобы писать обыкновенным образом; нет, им надобно, чтоб целый свет разделял с ними их чувство-

---

кто из нас написал сие, какой англичанин не счел бы его круглым невеждою? Во-вторых, позволяется судить книгу и находить в ней недостатки или погрешности, но не требовать от сочинителя, для чего написал он то, что ему, а не то, что мне хотелось.

Господин Англинский рассматриватель, привязавшись к слову *путешествие*, с важностью говорит: *сочинитель оного весьма далек от тех путешественников, за которыми мы привыкли последовать*. Что значит сей упрек? С какими путешественниками сравнивает он его? Вольно господину Англичанину в простых приятельских письмах, в которых сочинитель рассказывает, как умест, всякие повстречавшиеся с ним приключения, искать дельности Палласова, Кукова, Лепехина, Крашенинникова путешествия! Он мог его сличать со своими Стернами и выводить, кто из них превосходнее; но весьма непростительно думать, что прочтенная мною в переводе с какого-нибудь языка сказочка есть достаточное доказательство, что на том языке нет никаких важных сочинений.

[2] Мы для того ставим здесь сии чужеязычные слова, чтобы соблюсти точность в переводе; ибо кажется Англинский рассматриватель нарочно старался выставлять оные, делая их замечательными через напечатание косыми буквами. По-видимому, переводчики на немецкий и англинский языки вносили их без всякой перемены из русского подлинника в свои переводы (в действительности в английской рецензии стоит вовсе не это слово, а «congenial spirts with», т. е. близкий по духу ум, или близкие души, и эти слова в английской рецензии вовсе не выделены, — *М. А.*).